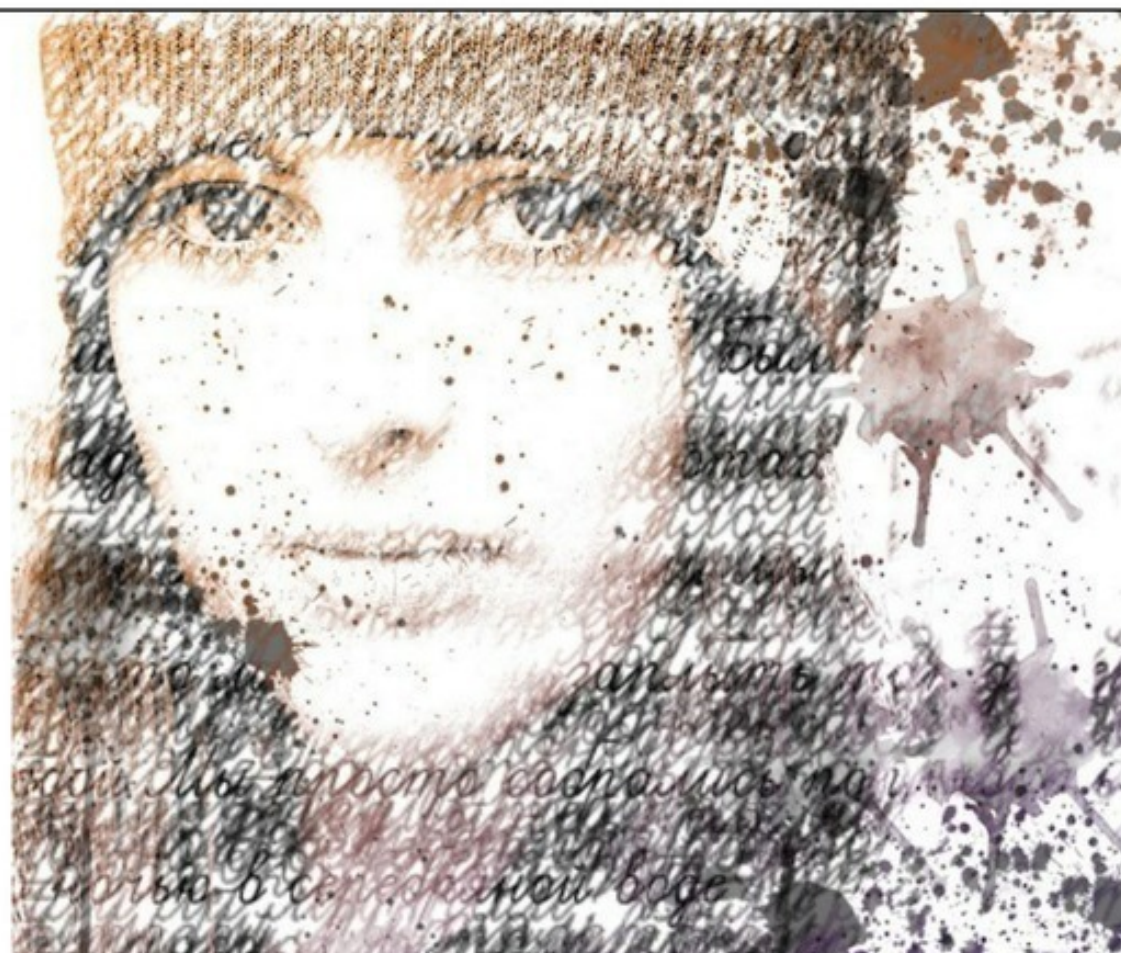

Елена Афолина

Лотерейный билет

Истории и рассказы. Стихи

Елена Афолина

**Лотерейный билет.
Истории и рассказы. Стихи**

«Издательские решения»

Афони́на Е.

Лотерейный билет. Истории и рассказы. Стихи / Е. Афони́на —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836403-7

В переиздание первого сборника Елены Афониной (родилась в 1978 г. в Риге) вошли 22 истории, циклы стихотворений «Опыт времени» и «Молчание», а также детективная повесть «Сломанный веер». Грустные и веселые, о жизни, о грезах, о любви, о смерти — о чем бы они ни были, в них всегда найдется место юмору и легкой иронии. Впервые опубликованы в 2003 году в Твери.

ISBN 978-5-44-836403-7

© Афони́на Е.
© Издательские решения

Содержание

Истории и рассказы	6
Господин из «заграницы»	6
Танина любовь	8
Чистая совесть	10
Лотерейный билет	12
Удачное замужество	15
Звездный человек	16
Три смерти	18
Бойкот	20
Страшное кино	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Лотерейный билет
Истории и рассказы. Стихи
Елена Афонина

© Елена Афонина, 2017

© Екатерина Шафранова, иллюстрации, 2017

Редактор Александр Геннадьевич Степанов

ISBN 978-5-4483-6403-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Истории и рассказы

Господин из «заграницы»

Над Мармарисом заходило солнце. Отдыхающие потянулись с пляжей в отель, экскурсанты, утомленные ярким турецким солнцем и великолепными видами побережья, возвращались к ужину. Святой Николай сегодня принял и благословил еще одну порцию путешественников, большая часть которых состояла из русских туристов, а меньшая – из немецких пенсионеров. Все они наперебой тараторили, каждый на своем наречии, и теснили друг друга, торопясь сделать снимки на память: одни с великим заступником земли русской, другие – с первым Дедом Морозом Санта-Николас, а третьи, не особо разбирая монотонный рассказ экскурсовода, просто с каменной древней статуей, чудом сохранившейся в этой далекой жаркой земле. Была, правда, одна пара, которая, хоть и пыталась так же, как остальные, запечатлеть себя на фоне творения старинных зодчих, выждав удачный момент, тем не менее отличалась от обеих групп экскурсантов непонятным ни одним, ни другим языком, на котором изъяснялись между собой эти мужчина и женщина. Муж и жена – то, что это именно так, следовало из мельчайших подробностей их поведения, по которому безошибочно определяются семейные пары, – всю дорогу держались особняком и, видимо, даже избегали общения. Женщина изображала на лице восторг при появлении за окном автобуса мало-мальски стоящего пейзажа и через мгновение морщилась, хваталась за голову и глотала таблетки. Ее муж терпеливо подавал ей поминутно то сумочку, то фотоаппарат и так же, как она, воздавал дань восхищения горным хребтам, поросшим тяжелой зеленью. На вид им обоим было около пятидесяти. Мужчина, правда, выглядел немного старше: возможно, из-за того, что носил бороду и усы; он был высок, слегка сутул, сух и худощав, много курил и поэтому иногда у него из груди вырывался глухой надтреснутый кашель; она же была очень загорелой, гладкой, такой же высокой, как и он, с как бы чуть-чуть примятым на скулах лицом, глазами и прической напоминавшая смиренного английского спаниеля. По утрам она валялась часа два на пляже, выдвинув лежак на самое солнце, он же, напротив, видимо, не любил жары и оставался лежать под навесом; потом они шли купаться: она окуналась в прозрачную воду там, где неглубоко, он прыгал в море прямо с настила, выдававшего над трехметровой глубиной, и проплывал сотню метров вперед. После купания они шли в номер принять душ, спускались к обеду, затем отправлялись отдыхать под пальмы гостиничного парка или к себе в отель. Иногда, как сегодня, муж и жена брали билет на экскурсию и ехали осматривать многочисленные малоазийские достопримечательности. Они уже были у затонувшего города в Мире и вместе со всеми вглядывались в голубую, как чистая минеральная вода, толщу, под которой виднелись оконные проемы и узкие проходы когда-то по-восточному шумных улиц. Затем их повезли на яхте к берегу: из скал зияли пустые глазницы древних гробниц, и поодаль уходила вниз воронка амфитеатра. Под ногами скрипел известняк, и мужчина подумал, что, возможно, они попирают прах давно усопших, изгнанный морским ветром из открытых захоронений.

На десятый день пребывания в Мармарисе мужчина лежал, как обычно, под навесом у моря. Жена его задержалась у маникюрши. Завтра они уезжали.

– Разрешите, я возьму соседний? – справа возник женский голос. Мужчина ответил на чистом русском «пожалуйста», и снова закрыл глаза.

Он лежал и представлял, как уже через день снова будет брести по промозглым рижским улицам, с утра звонить на работу, выходить из дома и делать вид, что спешит по делам, которых на самом деле нет, придумывать их в надежде на новый заработок и оставаться ни с чем. Он приехал в Турцию на деньги жены, как уже ездил не раз и в разные места и как уже при-

вык жить, не признаваясь себе в этом и избегая примириться с подобным положением вещей, но с каждым днем все сильнее и безвозвратней укрепляясь в этом положении. Он понимал, что вряд ли уже что-то изменит в свои пятьдесят лет и потому сейчас вдруг, в этой поездке, заговорил на родном языке жены, чего никогда и нарочно не делал дома, оставляя за собой это последнее право. Теперь он уже совсем разуверился в ценности любого права и ни на что уже не посягал. Здесь он не хотел, чтобы любопытные понимали их с женой разговор или начинали завязываться ненужные отпускные знакомства, но уже знал, что, вернувшись, заговорит полтавышски, – в конце концов, что у него общего с этими приехавшими из России людьми, которых он наблюдал каждый день в ресторане и на пляже уносящими в номера коньяк, слишком развязными и шумными в обращении?

Он устал быть везде чужим, и ему уже было все безразлично; все, кроме того, что ему тепло и приятно лежать у синего моря и чувствовать, как полуденный бриз овеивает его спокойно дышащее, засыпающее тело.

23.09.2002

Танина любовь

*Мы все добровольные пленницы своих грез
Жорж. Клод Бонуар «Корабль Любви»*

Поезд «Киров – Москва» наконец отправлялся. Заклацали откидываемые полки плацкарта, полетела пыль со спускаемых вниз матрацев, зашумели отъезжающие. Было около десяти вечера последнего августовского дня. Вагон был полон людей, возвращавшихся из отпусков и с каникул, еще пребывающих в эйфорическом состоянии совершенной свободы и уже торопящихся вернуться к своим вседневным заботам.

Таня Сильцева, молодая красивая девушка двадцати лет, уставшая и счастливая, сидела у окна и, задрав занавеску, смотрела на провожавших ее дядю и тетю, медленно уплывающих вдаль вместе с перроном. Она последний раз махнула им рукой и, когда поезд совсем уже набрал скорость, вдруг почувствовала, что ей смертельно хочется спать, несмотря на ранний час. Таня еще пробовала читать какой-то роман, который сунула ей впопыхах в дорогу тетя, но веки упрямо слипались, и она тщетно пыталась уловить смысл прочитанного. Тогда она отложила книжку, вытянулась на постели и, забыв даже про яркий свет, горевший прямо над головой, стала засыпать.

Таня Сильцева заканчивала в этом году иностранный факультет университета и в подарок получила от родителей деньги, которыми могла распорядиться по собственному усмотрению. Больше всего на свете ей нравилось путешествовать, поэтому, недолго думая, она решила все потратить на свои последние каникулы и увидеть наконец город, где выросли ее отец и мать и где она еще ни разу не была. За те две недели, что Таня провела в Кирове, она ни минутки не сидела на месте: каждый день кто-то из друзей или знакомых хотел ее видеть, приглашал к себе в гости, вез на рыбалку или на дачу жарить шашлык, водил по городу, демонстрируя достопримечательности, и Таня приходила домой уже после десяти совершенно без сил, съедала ужин и засыпала, с ужасом думая, что завтра вся круговерть повторится снова. Но теперь она ужасалась, довольная тем, что столько успела и чувствовала себя отдохнувшей.

Всю ночь она крепко спала, ни разу не проснувшись, чего с ней никогда не бывало в поезде, и, приехав домой, забывая остывающий обед, принялась рассказывать о поездке и своих впечатлениях.

Перед сном она все еще вспоминала прошедшие так бурно и незаметно дни и думала, как приятно после долгого отсутствия снова оказаться дома, где все так спокойно и близко.

Следующий день прошел тихо и размеренно. С утра Таня съездила на факультет, после занятий сидела в библиотеке и вернулась домой к пяти часам. Потом она обедала, готовилась к занятиям, и вечером ей казалось, что она никуда не уезжала и все лето провела в Москве.

Она уже засыпала, окончательно успокоившись и перебрав в уме завтрашние дела, и вдруг вспомнила о нем, и в ту же минуту удивилась, как долго она его не вспоминала – целую неделю, а, может, больше. Он был Таниной первой любовью, они познакомились давно, еще в школе, и, хотя не виделись уже несколько лет и время от времени Таня увлекалась кем-нибудь новым, она неизменно, каждый раз перед сном вспоминала его и ждала. Ей казалось, что все еще не закончено и все остальное – это так, между прочим, а настоящее, то, с чем связана ее жизнь, – это он, только он и никто больше; ей казалось, что она знает, когда он думает о ней, и, пока она его вспоминает, он будет любить ее так сильно, как она хочет. То, что не все еще кончено, Таня ощущала особенно остро оттого, что их расставание было каким-то нелепым, и они даже ничего не говорили друг другу. Да, собственно, не было и самого расставания. В день, когда они должны были встретиться и поехать в Архангельское, вместо Артема пришла его мать и сказала, что им не следует больше видеться. Они стояли у метро, была осень, холод, дул

ветер, желтые листья и пыль крутились по асфальту, и Таня, слушая, ничего не понимала. Она так ничего и не поняла: ни пока ехала обратно в метро, ни вернувшись домой, ни на следующий день, ни даже через год или два, – и это мучило ее и не давало ей покоя.

Она написала письмо, но он не ответил, и Таня думала, что он его не получал и письмо открыли и прочитали. Она писала еще и звонила, но ее письма продолжали уходить в пустоту, и на звонки отвечал долгий зуммер. Все оставалось нерешенным и тянулось из дня в день, постепенно превращаясь в *idée-fixe*, навязчиво возникавшую, как только Таня закрывала глаза в темноте.

Она часто видела его во сне, и он всегда был лучше, чем наяву: всегда любил ее, был ласков и нежен. И весь следующий день она чего-то ждала, и ей было невыносимо грустно и тоскливо. Иногда ей случалось несколько дней не думать о нем, и тогда она понимала, что он начинает ее забывать, спохватывалась, и он возвращался в ее мысли. И, когда ей вдруг кто-то очень нравился, он появлялся и напоминал о себе, и Таня радовалась, что он бережет ее от пустых переживаний.

Теперь она лежала и с удивлением обнаруживала, что совсем забыла о нем и что может сейчас перестать о нем думать, как о любом постороннем предмете, случайно пришедшем на ум; что воспоминание о нем ничего в ней не волнует и не тревожит, что он ей не интересен – высокомерный и самовлюбленный, каким он всегда был на самом деле, и каким она его вдруг увидела, как-то спокойно и согласно принимая эту правду; и что, даже случись невозможное, чего она порой так страстно желала, – появись он на пороге ее комнаты, – она не захочет пойти с ним и ей не о чем будет с ним говорить. И она лежала, удивлялась и думала, как неожиданно все проходит, и уже сомневалась, не была ли эта ее, со временем ставшая химерой любовь с самого начала вымышленным ею призраком, и зачем тогда она так долго нуждалась в нем и его не отпускала. Минуту спустя она поняла, что избавление наступило, что она свободна, и с наслаждением заснула.

24.09.2002

Чистая совесть

С утра Михал Михалыч Улитин бегал по чужим квартирам. Была холодная ноябрьская погода, тупо ударял об асфальт дождь, и из подворотен вылетал острый режущий ветер. Михал Михалычу нужно было еще заглянуть в конец квартала и проверить самый последний дом: на руках у него находилось два списка, полученных из партийной конторы, которые непременно нужно было сдать в воскресенье и уже в понедельник вместе в другими такими же списками отправить в комиссию.

Дома его ждала неприятность. Вернувшись почти уже к шести часам, пообедав, Михал Михалыч принялся за газеты. Прочитав доклад с последнего съезда, он еще раз просмотрел избирательные листы и обнаружил досадное упущение со своей стороны: у последней фамилии отсутствовала строка дата выдачи документа.

Соломатина Петра Васильевича, своего соседа по квартирной площадке, Улитин навещал, уже возвратившись домой, случайно застав его собирающимся на дачу. Теперь, наверно, Петр Васильевич мирно покачивался в старом вагоне электрички по дороге в Артемовку. Ехать за ним в поселок не было, конечно, никакой возможности: поезда заканчивали ходить в семь вечера, жена лежала больная и кашляла в соседней комнате, а главное, – воскресенье наступало уже завтра, и вернуться из Артемовки вовремя было нельзя.

Михал Михалыч задумался. Обидно было еще и то, что из-за последней промашки сводилась на нет вся его многочасовая кропотливая работа: хождение по нечистым подъездам, терпеливое ожидание под дверьми квартир и уговаривание жильцов поставить подпись на белой странице. Обидной и смешной казалась не только собственная нерасторопность, но и маленькая возможность того, что паспорт Соломатина не едет вместе с ним ни в какую Артемовку, а преспокойно себе лежит в секретере или хозяйском комоду.

Михал Михалыча кликнула жена и попросила принести теплого чая. Он прервал размышления, в сердцах выругался сам на себя и отправился ставить чайник.

Придя в комнату с полной чашкой, Улитин присел на стул возле постели жены и принялся рассказывать о сегодняшнем злоключении.

– Брось ты все это, Миша, – заговорила жена, морщась на кипятком. – Не пойму тебя никак. Люди как люди, занимаются своими делами, а тебя за мальчишка держат, по такому холоду посылают старого человека.

– Что же делать, Маша. Мне и самому надоело, но уж взялся – отказать не могу. Кто, кроме меня сделает.

– Я лежу больная, нервничаю, хоть бы подумал... – продолжала жена.

– Хватит, Маша, – перебил ее Улитин, предчувствуя близкую ссору. – Ну что тебе неймется. Лежишь – и лежи. Лучше бы сказала, что делать теперь. Видишь, забыл эти цифры, вся работа насмарку. Тьфу ты! – Михал Михалыч только досадливо махнул рукой.

– Что ты мучаешься, не пойму, – как ни в чем не бывало отвечала жена. – Кто тебя проверять будет. Поставь примерно. Соломатину уж, наверно, за шестьдесят – если не менял, то должен был получать лет тридцать назад.

– Маша, ну что ты говоришь! – воскликнул Улитин, всплеснув руками, и негодуя на нее посмотрел. – Поставь примерно, – передразнил он. – Понимаешь ли ты, что это документ, здесь все точно должно быть! Что делать, что делать?! – и все еще негодуя на жену за ее несерьезность, Улитин сел в кресло и взялся за газету. Ему не читалось. Мысль о глупой ошибке и невозможности ее исправить не давала покоя.

«Поставь примерно, – продолжал он передразнивать про себя жену. – Если б все всё примерно делали, что случилось бы, и так кругом черти что...» Михал Михалыч сердито отложил чтение и прошелся по комнате. Ему шел уже семьдесят второй год, и он всегда посту-

пал честно. После революции он продолжал выписывать те же газеты, что и раньше, посещать собрания в той же партии, где числился с пятидесятого года и верить, что в жизни есть серьезные моменты, где все должно быть правильно и точно. В тумбочке у Улитина лежала толстая синяя тетрадь, куда он записывал свои мысли. Были там, в частности, размышления об обустройстве государства, и была еще страничка, которую он никогда и никому не показывал – та, где он запечатлел по своему разумению причины проигрыша и упадка сторонников общей идеи.

Михал Михалыч, прометавшись четверть часа по квартире, остановился наконец, вдруг осененный счастливой мыслью. Он оказался у балконной двери. Его и соломатинский балконы сообщались через перегородку, в которую была вделана лестница пожарной безопасности. Михал Михалыч взял ключ, отпер дверь и в темноте нащупал чужое окно. Форточка, по счастью для него была открыта забывчивым соседом. Оказавшись в гостиной, Улитин извлек прихваченный из дому фонарик, наткнулся на секретер, повернул торчавший из дверцы ключик и принялся осматривать содержание ящика.

Михал Михалычу сегодня необыкновенно везло. Вскоре обнаружился и паспорт, затертый между телефонными квитанциями и книжкой о борьбе с колорадским жуком. Переписав нужные цифры, Улитин захлопнул бюро и через минуту заполнял пустовавшие клетки листа, сидя за столом своей комнаты.

Назавтра он отнес списки в организацию, перекинулся парой фраз с товарищами, торопясь вернуться к жене, и листы, собранные вместе и проверенные, полетели дальше предвестниками новых политических побед пекущихся о народном благе. В столе же Михал Михалыча продолжала лежать синяя тетрадь, куда он регулярно писал, иногда просто короткие отчеты прошедшего дня, и сегодня он тоже сделал очередную запись:

«С чистой совестью сдал оба моих избирательных списка».

25.09.02.

Лотерейный билет

Днем после обеда студент физического факультета Андрей Большаков получил по почте конверт. Конверт был большой, красивый, голубого цвета с темно-синей надписью посередине крупными буквами «ПЕРВОЕ И ЕДИНСТВЕННОЕ ИЗВЕЩЕНИЕ». В прорезном окошечке чернел адрес Большакова.

Внутри конверта лежало несколько затейливо сложенных листков; все они были из разного сорта бумаги: один гладкий, глянцевоый, с разноцветными изображениями, другой – шершавый на ощупь, желтый и толстый, почти как картон, третий был совсем маленький, не больше магазинной бирки, и по периметру переливался серебристо-радужной поверхностью.

Сначала Андрей развернул самый большой, как ему показалось, листок с разноцветными изображениями. Вкладыш, и правда, оказался размером с плакат и пестрел яркими фотографиями, запечатлевшими все многообразие земной биосферы: там извергался под облака, дымясь и брызжа искрами, вулкан; здесь, уютно свернувшись в случайной тени саванны, лежал огромный лев; в углу лиловела скромная альпийская фиалка, и рядом с невидимых высот рассыпалась пылью Ниагара. «АЗБУКА ЖИЗНИ» – гласили жирные белые буквы в самом верху листа «Как возник человек? Долго ли живут земляные черви? В чем полезные свойства обыкновенного картофеля? Сколько лететь до Альфа Центавры? Грозит ли человечеству конец света? Все тайны природы откроются Вам, если Вы закажете красочную Большую Энциклопедию издательства *Мангер-Дайджест* „Азбука жизни“. Книга, отпечатанная на прекрасной финской бумаге в лучших полиграфических традициях, станет надежным другом и советчиком в Вашей семье».

Андрей отложил в сторону проспект и взялся за следующий листок – тот, что был поплотней и шершавым, как картонка. Развернув его, он снова наткнулся на собственный адрес, ниже красовались личное обращение к «уважаемому Андрею Викторовичу» и сиял текст письма. Текст был длинным и располагался на обеих сторонах листа. «Уважаемый Андрей Викторович! – следовало в первых строках. – Компания *Мангер* приветствует Вас и рада Вам сообщить, что в результате предварительного компьютерного отбора Вы стали участником II тура Большого Розыгрыша Призов компании *Мангер*. Чтобы стать участником Финала и выиграть один из многочисленных призов на общую сумму 5 000 000 рублей, среди которых и Приз 1 000 000 рублей, Вам нужно аккуратно проследовать нашим инструкциям и отправить свое письмо обратно не позднее, чем через 7 дней после его получения. Чем раньше Вы отправите свое письмо, тем больше у Вас шансов принять участие в розыгрыше Специального Приза. Для того, чтобы участвовать в обоих розыгрышах, Вам нужно всего лишь оформить заказ на Энциклопедию „Азбука жизни“ и вложить его вместе с подтверждением в конверт. Адресанты, в числе первых приславшие свои подтверждения смогут также участвовать в розыгрыше автомобиля „Рено-Меган“, цвет которого Вы можете заранее выбрать, наклеив прилагаемые фишки на бланк заказа Энциклопедии „Азбука жизни“. Вы можете отказаться от участия в нашем розыгрыше и подписки на книгу, как нам этого будет ни жаль. Однако, согласитесь, что не каждый день выпадает удача выиграть новый автомобиль и получить в придачу замечательную, интересную книгу. Сегодня эта удача выпала Вам, Андрей Большаков. Тысячи людей, окружающих Вас, так никогда и не получают подобного предложения. Так стоит ли упускать счастлившую возможность?»

– Нет, нет, не стоит! Размечтались! – забормотал студент, ощущая легкое волнение от свалившейся на него так неожиданно удачи, и принялся искать в образовавшемся после вскрытия письма ворохе бумаг полоску с самоклеющимися фишками, чтобы сразу же, следуя инструкции, разместить одну из них на конверте.

«Будьте внимательны и в точности соблюдайте все наши правила, – гласило сопроводительное письмо. – Их несоблюдение влечет исключение из списка участников Большого Розыгрыша».

«Как же, не дождетесь, – усмехнулся про себя Большаков, судорожно нашаривая скользкий бланк-подтверждение. – Главное – не торопиться: пишем адрес, ставим галки здесь и здесь», – с ювелирной точностью чиркал студент ручкой в указанных клетках. Завершив столь кропотливый труд, сопровождавшийся колоссальным эмоциональным напряжением, Большаков заново проверил наличие всех необходимых листков; убедившись, что все они на местах, он, наконец, заклеил конверт, надписал его и уже вскочил, чтобы одеваться и бежать на почту, как вдруг заметил, что стрелки часов показывают около семи – значит, почта полчаса как закрылась. Бросать письмо в ящик на улице Большаков не рискнул. Ящик могли взломать, что не раз уже бывало, и письмо бы пропало: следовало быть предусмотрительным. Смирившись с задержкой, студент размотал уже повязанный кое-как шарф и, отложив отправку на завтра, принялся за свои повседневные дела.

Однако, за что бы он ни брался, все шло, как попало, и останавливалось на полдороги: Большакова отвлекали собственные мысли. «Что же, – думал он, так и не дочитав до конца теорию гравитационных полей, – предположим, я выиграю миллион (выиграла же тетя Ксения чайный сервиз в Спортлото лет тридцать назад, а как над ней тогда, мать говорила, все потешались). Сделал я все правильно, – размышлял студент, перебивая сам себя, – плохо, конечно, что не сегодня отправлю. Ладно, ерунда. Ну, предположим, – вернулся он к первой своей мысли, – получу миллион, и что с ним буду делать? Купим нагревательный котел, новую кухню, новый двигатель для машины. Нет, – прервал себя Большаков, – с двигателем надо будет подождать, еще машину выиграю – летом в Испанию на две недели с аквалангом. Только ехать обязательно через Париж, – набрасывал маршрут победитель, – завернуть в Дисней-парк. Сделай ремонт, или нет, обменять с доплатой на еще одну комнату. Деду купить машину, простенькую. Так, – остановился Большаков, – а мне-то еще компьютер нужен. Потратишь – ничего не останется. Если по справедливости, то деньги-то я выиграл, – неожиданно по-новому потекли мысли Большакова. – Что же я тому, сему: матери кухню, деду машину, а себе ничего?! Разве это честно? Денег им, конечно, надо оставить, – повеликодушничал скрепя сердце студент, – скажем, процентов пять или три – за воспитание. А остальное – извините. Куплю себе квартиру и машину. До свиданья, милый дом».

«Вот ведь штука, – подумал студент, уже засыпая, – денег нет – плохо, есть – еще хуже. Перессоримся ведь. Родичи требовать начнут, просить. Друзья понавалят, как узнают. Беда», – он сладко зевнул и засопел носом.

На следующее утро, едва проснувшись, Большаков схватил письмо и понесся к открытию почтового отделения. Почтальонша неторопливо скребла ключом в дверной скважине, потом так же неторопливо и основательно располагалась за своим окошком, раскладывая стопочки бумаг, и, когда уже Андрей вконец измучился и оттарабанил все пальцы о стойку, отодвинула стекло и обратилась к посетителю.

– Вы наклейте получше и положите, чтобы не потерять, – дрожа от волнения, передал письмо Андрей, почти втиснулся с маленькое окошко, пытаясь обозначить для кассирши важность отсылаемой корреспонденции.

– Да не волнуйтесь Вы так. Мне такие письма каждый день почти носят. Отправим, – почтальонша сохраняла совершенное спокойствие.

– То есть как это, – поперхнулся Большаков. – Это такие, как мое, то есть тоже на лотерею что ли, или другие?

– Как Ваше, – невозмутимо отвечала та. – Да их, знаете, всем присылают. Обман все это, – заключила почтальонша твердо.

Вернувшись домой, за завтраком Большаков мрачно сжевал бутерброд, с тоской искал глазами по комнате, нашел, наконец, то, что нужно, засунул оставленную родителями сторублевку в карман, кое-как покидал тетради в сумку и отправился на факультет, чувствуя, что его вера в людей и удачу внушительно пошатнулась.

26.09.02

Удачное замужество

Осенью Лохницкие сыграли свадьбу. Приглашенных было мало, но все удалось как нельзя лучше: молодым и гостям было интересно и весело. Скорые на выдумку теща и свекровь устроили гулянье с обрядом: невесте расплетали косу, надевали женский убор и подружки плакали в голос. Теперь дочь с мужем жили у ее родителей, ожидая скорого переезда. Квартира, подаренная сватами, стояла в ремонте; придя с работы, наскоро пообедав, новобрачные отправлялись устлавать будущее жилище.

– Скорей бы уже, – признавалась Оксана подружке, – сил больше нет.

Оксана была второй и любимой дочерью Лохницких. Ей шел двадцать третий год, и родители радовались, что вовремя выдали дочь. Она была темноокой, высокой, и, когда говорила по телефону, ее легко путали с ребенком. С мужем она познакомилась у сестры, которая была старше ее на три года. Они встречались всю прошлую осень и зиму и очень быстро решили пожениться.

– Видишь ли, – говорила Оксана, – он сделал мне предложение уже через месяц. Но стоило ли торопиться? Я сказала, что нужно лучше друг друга узнать, он согласился. Теперь я знаю, что правильно тогда поступила: ему это понравилось.

Денис Красниченко учился в школе с Алиной Лохницкой. Он был из хорошей семьи, не знавшей ни в чем никогда недостатка. Легко закончил школу, потом институт, теперь служил в адвокатской конторе отца и играл, как раньше, в футбол по субботам. Он привык быть всегда окруженным людьми – в доме толклось много народа – и никогда не был один. В двадцать семь ему стало скучно, он решил серьезно устроить свою жизнь. Ни одна из прежних подруг и знакомых не могла быть его женой. Он увидел Оксану Лохницкую, застенчивую и тихую, на дне рождения Алины, не узнав в ней сначала сестру именинницы. На следующей неделе он пригласил ее в ресторан, через месяц сделал предложение и теперь, будучи женатым человеком, был совершенно спокоен и счастлив. Она смеялась его шуткам, была рассудительна и ни в чем не походила на его мать, властную и громкую женщину, которая и в устройстве их семейной жизни изо всех сил пыталась осуществить собственные мечты. Он порой соглашался с ней, наперекор договоренности с женой, мучился этой двойственностью и не хотел скандала.

– Он уже сейчас чувствует, что у нас своя жизнь, – говорила Оксана, – и изменится. После ремонта они перестанут так часто к нам приезжать.

Она только что проводила свекровь, приезжавшую осматривать новую кухню, и наконец села пить чай. Муж сегодня сказал ей оставаться дома и отдыхать. Он вернулся поздно, уставший, съел разогретый Оксаной ужин и, когда пришел в комнату, его жена уже крепко и тихо спала, свернувшись под одеялом.

28.09.02.

Звездный человек

Петр Палыч Корольков пережил свой очередной день рождения. Ему шел двадцать восьмой год, и он чувствовал, что ничего еще не сделал в жизни. Он не был женат; дом, а вернее, квартира, в которой он жил, принадлежала и была обставлена его родителями; правда, он регулярно каждую весну что-нибудь сажал и окапывал на отцовской даче, но своего сада у него тоже не было. Петр Палыч занимался юридическими вопросами граждан в нотариальной конторе и четвертый год писал диссертацию по истории в аспирантуре. Диссертация не шла, собранный материал рассыпался за недостатком общей идеи, а главное – само это дело, начатое с таким энтузиазмом несколько лет назад, тяготило и казалось (в чем Корольков уже не боялся себе признаться) совершенно ненужным. Бросить же писание ему мешало чувство вины.

Иногда на Королькова, особенно это бывало по вечерам, когда родители уже ложились спать, накатывали такие минуты, что ему казалось, он сможет все, что ни пожелает. Он чувствовал, что находится в некой поворотной точке и от того, как он сейчас себя поведет, зависит и настроится вся его дальнейшая жизнь. Он называл такие минуты прозрениями. Это и правда чем-то походило на ясновидение, потому что Петя начинал видеть себя и свои поступки как бы совсем со стороны и понимать, чего он не сделал из того, что мог бы или должен.

Он помнил, что эти вспышки происходили с ним лет с двенадцати, когда вдруг он проснулся и перестал быть счастливым. Потом, став старше, он отмечал для себя такие мгновения, как точки взросления: он всегда знал, что еще изменился, еще повзрослел и теперь уже по-другому смотрит на мир и ощущает его – вот так, не постепенно, а сразу – мгновенным озарением.

Когда он учился в университете, и им только начинали читать курс всеобщей истории, он в один из тех дней, как всегда перед сном, лежал и пытался себе объяснить необходимость заниматься наукой. Он искал первопричину, и всегда за последним аргументом открывался новый вопрос, и так продолжалось бесконечно долго, пока Петя вдруг не наткнулся на черную стенку и понимал, что он перед ней бессилён. Стена была совершенно осязаемой, плотной, мысль билась об нее, как теннисный мяч, и Корольков поворачивал обратно, зная, что за этой преградой скрыты все ответы, до которых ему пока не добраться.

Во время «озарений» он чувствовал в себе необыкновенную силу для любого большого свершения: он как будто проносился по коридорам Вселенной и возвращался посвященным и готовым к открытию. Он знал, что непременно совершит это открытие – всей своей жизнью, – что он способен на новое слово, еще ни кем не сказанное, которое запечатлеет в книге, и он готов был вскочить и писать, но было уже совсем поздно, и Петя засыпал. А утром находились дела, и свое главное, как ему казалось, дело он не решался начать вот так, впопыхах, в суете, и откладывал его в дальний ящик. Несколько дней потом он ходит недовольный собой из-за того, что тратит время на ерунду, но после успокаивался и говорил, что он попросту еще не готов. Так шли дни и проходили годы. Изредка он садился за письменный стол, клал перед собой лист бумаги в надежде начать писать, но ничего не получалось: выходило совсем не то, что хотел сказать, и Петя откладывал писание, думая, что время еще не настало.

Он встречался с девушками, но ни одна из них не побуждала его мысли к женитьбе. Мать же говорила, что жениться ему рано: прежде нужно устроиться самому, – и это его успокаивало еще недавно, но сейчас он ощущал потребность в чем-то тепле, близости. Родители старились, становились капризными, эгоистичными, но ему порой было страшно, что будет, если они уйдут и оставят его одного.

Он пошел в аспирантуру, чтобы чем-то занять себя и чувствовать движение к какой-нибудь цели. Многие его однокурсники поразъезжались в Москву, Петербург, за границу, и Петя уже думал, не поменять ли ему свою жизнь, оставив то, что его сковывало здесь.

Ему казалось, что, не будь всех обстоятельств, мешающих его свободе: тревоги за отца и мать, боязни причинить им боль, страха одиночества и падения, – он мог бы совершить невозможное: быть собой, жить так, как говорит ему сердце. И он шел бы по далеким дорогам в тумане и по дождю, видел новые города и людей или лежал на земле и смотрел на звездное небо

В детстве он мечтал быть астрономом, и на какую-то елку ему пошили костюм звездочета. Всегда то, о чем он мечтал, было таким простым и доступным: Петя засыпал и давал обещанье, что завтра заберется на крышу посмотреть на звезды, но наступало завтра, и ему становилось неловко делать то, о чем так сильно мечталось вчера, и он уже думал, что все это ребячество и скоро пройдет, как прошла юношеская тоска по подвигу. Он так думал и заранее чувствовал стыд за эти мысли, как будто совершает тайное маленькое предательство, ожидая, что мечта испарится, и одновременно с каким-то наслаждением ожидая ее смерти.

В конце концов ему приходило в голову, что все это пустые бредни, переживаемые перед настоящим взрослением, когда он заживет, как все нормальные люди, и уже ни о чем никогда зря не будет волноваться, и он будет просто просыпаться, вставать, идти на работу, возвращаться, включать телевизор, листать чужие книги, ходить в бар и кино по воскресеньям и жить, доверившись простому течению дней, каждый год вместе со всеми совершая новый оборот вокруг Солнца.

28.09.02.

Три смерти

Говорят, что у кошек девять жизней. У Данилы Свацкого их было всего четыре. Первая его жизнь началась с тех пор, как он голосистым младенцем появился на свет в селе Городеньки зимой девятьсот пятого года, и продолжалась до года срок второго, пока не пришла война.

В тех местах, где стояло село, у извилины Южного Буга, далеко простиралась поля, чья земля даже прут превращала в зеленое дерево, и не видно было лесов: только редкие перелески, заросли сладкой черешни, попадались иногда на глаза. С наступлением холодов земля, жирная и тяжелая, становилась твердой, как камень, и буграми вздымалась на дороге вдоль хат. Бугры эти жестко резали ноги, голые оттого, что на них нечего было надеть, и Ленька Свацкой, семилетний сын Дани, пробегал, как ошпаренный, перескакивая через рытвины, к школе. В классе так же, как он, сидели босые ребята и, подобрав ступни под себя, старательно выводили скрипучими перьями первые буквы. На селе жили бедно; за недостатком леса топили печи соломой. У Свацких же было бедно еще потому, что Данила сильно страдал желудком, часто лежал в хате больной, не ходил в колхоз на работу и не делал работы по дому: пол в хате был земляной, в окна дуло сквозь щели, и скотина – одна лишь коза – находилась тут же с людьми, возле печки. Кроме Леньки, у Свацких было еще трое детей мал мала меньше, которые ползали по лавкам, пищали и хватили мать за подол. Когда Ленька подрос – ему стало четырнадцать лет, – его определили подпаском, в свободное время он еще помогал на ферме и бегал на мельницу. Тогда же купил он ботинки себе и сестренкам.

Данила все болел и страдал от своей бесполезности. Жена жалела его, но он знал, что мешаает ей, и старался забиться подальше на печи, чтобы его не замечали.

С войной в село скоро пришли немцы, и через месяц после своего прихода объявили сбор у бывшего сельсовета для отправки в Германию на работы. У Свацких забирали Леньку.

– Ты, сыночек, не ходи, – уговаривала мать, – нехай дом сожгут проклятые, попрячься.

И Ленька убежал в дальние перелески и прятался под поваленным деревом в яме месяц, а то и больше, пока сестра не прибежала сказать, что все уехали и в Городеньках остался только Степка, местный полицай.

Этот Степка, когда мальчишка спрятался снова в следующий раз, привел комиссию к Свацким забрать вместо Леньки Данилу. В управе, куда свезли всех сельчан для осмотра, Данилу раздел и ощупал доктор, записал что-то в белую карту и отправил в соседнюю комнату к офицеру. Тот, прочтя медицинский рескрипт, подошел к Свацкому, указал ему на дверь слева, там дали ему одежду и велели собираться обратно домой: он был признан негодным. Спустя минуту вышли вдруг какие-то люди, перевели его через комнату, где сидел офицер с машинисткой, направо. Там шумели, перешептываясь, городеньковские.

– Что, Данила, – подмигнул ему Филипп с соседней улицы, – раненько домой-то собрался. Староста наш тебя опередил: говорит, он хоть и больной, да сын его здоровый сбежал с отправки, для порядку заменить нужно. Так что спасибочки ему скажи, с нами поедешь вшей фашистских кормить.

Так Данила Свацкой попал в концлагерь, и уже первая его жизнь, безрадостная, но тихая, подходила к концу. Пробыв полгода в лагере, кое-как перебиваясь, он заболел так сильно, что ничего уже не мог делать, и вскоре решено было его записать на сжигание в печи крематория.

С утра назначенные к кремации толпились у грузовика напротив барака. Все почти молчали. Стоял ноябрь, было холодно, вдалеке лязгало какое-то железо, и рядом скрипел песок под сапогами шофера. Пришел офицер и принялся за погрузку заключенных: людей клали, как бревна, вдоль, одного на другого, и, уложив последнего, подняли и приладили заднюю стенку кузова. Данила лежал сверху у самого края, так что видел только совершенно белое, как молоко, небо и чувствовал, как неприятно занозит плечо доска. Дорога к печам, стоявшим

в другом, соседнем, лагере, шла в стороне от бараков и поднималась в гору. Пока ехали, доска не давала покоя Даниле, машину трясло, и щепки впивались в голое тело. Двинуться влево было нельзя: люди были уложены плотным рядом, чтобы вместить сразу всех, – и он тогда дернулся другим боком, нажал ногой на стенку. Должно быть, он надавил слишком сильно, потому что верхняя доска, вдруг заскрипела и вылетела. Машина карабкалась на холм, кузов пошатнулся, и вместе с обломком доски, согнувшись, из него вывалился Свацкой. Он больно ударился о землю, распластался на холодных камнях и лежал так с минуту, не шевелясь, слушая, как удаляется шум работающего двигателя, увозящего в огонь полсотни его товарищей. Когда звук исчез, стало совсем тихо, вдалеке только продолжало лязгать железо; он все еще лежал, не решаясь встать, потом отполз с дороги, встал на колени и огляделся. Вокруг никого не было, по обе стороны дороги простирался пустырь, в мерзлой земле вздрагивала от ветра трава. Данила попробовал подняться, ноги его не слушались, он упал. Прошло еще сколько-то времени, час или больше. Его подобрала машина, везшая его в крематорий и теперь возвращавшаяся обратно в лагерь. Свацкого снова отвели в барак, выдали номер, и жизнь для него продолжалась снова, неспешно переменяя день с ночью.

В следующий заезд Данилу опять назначили в крематорий. Он совсем ослаб за прошедшее время и уже с трудом мог двигаться. На этот раз людей, определенных на сожжение, оказалось больше, чем в прошлый, и они выдавались горкой над кузовом. День был теплый и солнечный, близился конец весны, правда, птиц не было слышно, и только серенькие воробьи скакали по песку возле машины. Свацкой лежал на самом верху и видел, что вдали, у горизонта, зеленеют деревья, и за ними тянется лес. Людей положили неаккуратно, было неудобно лежать, тело сползало вниз; проезжали старой дорогой, на горе кузов снова наклонился, и, уже не удерживаясь, Данила с готовностью покатился вниз, так во второй раз он избежал смерти. Трава вокруг всю зеленела, земля стала грязной и теплой, и совсем близко, казалось, стоит лес, загораживая горизонт. Он не смог уйти далеко, его нашли, вернули на прежнее место и, спустя четыре месяца, снова везли в той же машине в печь. Теперь заключенных закрепляли сверху веревкой, и на горе люди только чуть-чуть сбились в кучу, но никто не упал, и всех довели в сохранности.

Данила ждал своей очереди. Он смотрел, как ложатся и отправляются в черные большие дыры стоявшие впереди него, чувствовал отвратительный запах горящей плоти и уже почти безразлично продвигался за остальными. На последней отправке ему не хватило места, печь для него одного зажигать не стали, и он снова вернулся в лагерь, пережив свою третью смерть, уже взяв ее за руку.

Вскоре кончилась война. В их ворота въезжали машины со звездами, и он слышал родную славянскую речь и смотрел на здоровых сильных людей, пришедших освободить их.

Данила вернулся домой в Городеньки. Семья уже не ждала его, потеряв надежду на возвращение. Он узнал, что Леонид теперь служит и ждет отправки на Запад с учений. В доме он оставил почти что двадцать пудов муки, заработанные в колхозе, и мать с сестрами вдоволь наедались хлебом и кормили им пришедшего отца. Но тот, казалось, чахнет день ото дня, несмотря на сытость и покой. Он лежал на печке в хате, изредка только выходил во двор погреться на солнце и, переживший три своих смерти, был совершенно бессилен жить. Подрастали его дочери, шумные и веселые; возвращаясь из колхоза, они убегали к гармонистам плясать и смеяться; начиналась уже новая, трудная и радостная, жизнь, и Бог еще два года оставлял его на земле наблюдать за этой жизнью, пока не забрал, наконец, к себе летом сорок седьмого года, совсем уже ослабевшего и беспомощного.

29.09.02.

Бойкот

Когда Соня Стрельцова пошла в третий класс, ей неожиданно, вдруг, объявили бойкот. На перемене Сонечка стояла одна-одинешенька, отвернувшись к окошку, и плакала. На улице падали желтые крупные листья в мокрые лужи, и коленкам было холодно от железной, сырой батареи.

Перед уроками дети гуляли парами по вестибюлю, ожидая звонка, проходили мимо вошедшей только что Сони и делали вид, что не обращают на нее ровно никакого внимания.

Сонина подруга Галя Смирнова держала под руку Алену Вентицкую, и, когда Сонечка к ней подбежала, радостная и веселая, еще ничего не зная, – остановилась, поправила сползшую лялочку фартука и сказала:

– Мы сегодня с тобой не должны разговаривать. Тебе объявили бойкот.

Больше Галя не проронила ни слова, отвернулась, толкнула за локоть Вентицкую, и они отправились дальше, за всеми по кругу.

Потом сразу прозвенел звонок, разрешили заходить в классы, начались уроки. На математике дали решать примеры, их было десять, и все были длинные, так что тянулись со створки на створку. Сонечка справилась раньше других и тянула руку, чтобы выйти к доске прочитать все ответы, но учительница Зоя Сергеевна не замечала ее, оглядывала класс, чертила в журнале и в конце урока вызвала Сашу Кравцова, который сбивался, называл все неверно и получил двойку в дневник.

После урока класс повели в столовую завтракать, потом была география, всем раздавали раскрашивать карты Северной Африки. Соня раскрыла красный пузатый пенальчик: в нем не было ни одного карандаша. Они лежали в столе, забытые дома. Сонечка, вытянувшись вперед, низко наклонилась над партой и зашептала сидевшему перед ней Максиму Баркову:

– Максим, пожалуйста, дай мне один карандашик на время.

Этот Максим на прошлой контрольной по прилагательным целый урок потихоньку заглядывал через плечо в Сонечкину тетрадку и списал все задания на пятерку, но сейчас только дернулся и прошипел на весь класс:

– Отстань!

Зоя Сергеевна подняла глаза от учебника и, глядя в их сторону, строго проговорила:

– Стрельцова, не безобразничай!

На второй перемене Соня не выдержала, расплакалась и, кое-как вытерев наспех все свои слезы, вернулась в классную комнату и подошла к Зое Сергеевне.

– Зоя Сергеевна, – начала Сонечка, чувствуя, что снова плачет и слезы текут в воротничок ее платья, – почему сегодня со мной никто не разговаривает? – Она шмыгала носом, боясь достать носовой платок, поправляла влажные манжеты, и ей очень хотелось убрать выбившиеся на уши тонкие пряди.

Дома бабушка ей заплетала бананку с голубым гофрированным бантом. Но у Зои Сергеевны была страсть к причесыванию девочек; часто она сажала с утра, перед уроком, Соню на мягкий стул за учительский стол, расплетала ее и начинала все заново, больно стягивая нежные волосы в косы. Соня была умненькой и красивой. Зоя Сергеевна с первого класса отмечала ее и любила обнять, подозревая в перерыве. Сонечка смотрела внимательней всех на уроках большими-большими голубыми глазами и казалась совсем крошечной, как игрушка. Ее все любили: когда в прошлом году раздавали анкеты, почти каждый из класса писал, что в поход пойдет только с Соней Стрельцовой. Сонечка была резвая, живая девочка, часто поднимала ручку, всегда отвечала впопад и однажды даже поправила Зою Сергеевну, когда та ошиблась, поселив племя майя в Панаме. Зою Сергеевну тогда это как-то совсем огорошило, и со временем Стрельцова, вечно первая поднимавшая руку ответить, все больше ее раздражала.

– Поймите, – говорила она ледяным тоном классной наставницы родителям Стрельцовой, пришедшим к ней на следующий день разбираться в случившемся с Соней, – не могу поощрять выскочек. Класс волнуется, что Соня все знает, этим она унижает нормальных детей. Пусть поразмыслит о том, как вести себя в классе: если с ней не хотят разговаривать – значит, в этом только она сама виновата. Ничего не бывает напрасно.

Соня плакала, выходя из школы, еще ровно пять дней, пока класс не закончил бойкот. А потом ей самой не хотелось ни с кем говорить: она знала, что ее не любили и уже никогда не полюбят. Прошла неделя, другая, она снова гуляла по вестибюлю с Галей Смирновой, получала пятерки, бегала по двору и смеялась, но уже замечала, что Галя тайком убегает шептаться с Вентицкой и что в классе довольны, когда она ошибется.

Через много лет – Соня Стрельцова совсем уже повзрослела, так что школьный шиповник, закрывавший ее с головой при играх в прятки когда-то давно, в далеком-далеком детстве, о котором почти уже не вспоминалось, доходил ей теперь едва до локтя, – она встретила случайно на улице Зою Сергеевну. Был конец октября, она шла ей навстречу, располневшая, сильно состарившаяся, осторожно переступая по мокрой осенней грязи в старых потертых ботинках, и, поравнявшись с Соней, ее не заметила и не узнала.

30.09.02.

Страшное кино

Вечером в середине июля на сонковском вокзале остановился автобус, из которого тут же, шумя и толкаясь, вышли десять девиц, никогда прежде не виданных здешними жителями, и столпились у шоферской кабины. Солнце только что начало заходить над поселком, пробиваясь в узкие, а кое-где совсем уже бесстыдно широкие щели придорожных заборов, обросших бурьяном и дикими яблонями.

Пока приехавшие жадно вдыхали кислород после спертой, пропахшей бензином духоты салона и оглядывали облупившиеся на дожде и ветру красные стены вокзала, шофер выставлял на асфальт спортивные сумки и рюкзаки.

Вновь прибывшие были студентки второго курса филологического факультета, принужденные планом в течение ближайших пяти дней пройти практику по собиранию диалектов. Вместе с ними стояла невысокая щуплая женщина лет тридцати, одетая в майку и шорты, – руководитель экспедиции старший преподаватель Галина Викторовна Татькова. В экспедицию она, кроме семи человек второкурсников, «изъявивших желание», прихватила двоих своих «личных» студентов, с которыми ездила постоянно везде и повсюду. Они иронически посматривали на новичков в узких брюках и юбках, как будто собравшихся за город на прогулку, и уже заранее предвкушали минуты жестоких разочарований, плачей и стонов, и выносили им свой приговор. Те же, в свою очередь, с первой минуты, только оглядев бывалых туристок, как сговорившись, утвердились в своем презрительном к ним отношении.

Галина Татькова не раз, еще собираясь в дорогу, вздохнула о том, что нынешняя поездка не удалась, и боялась только, чтоб не было слишком больших неприятностей.

На вокзале их встретила Таша Кольцова, закончившая факультет в прошлом году и вернувшаяся жить в поселок. Здесь она работала в школе и, по просьбе Татьковой, договаривалась с интернатом разрешить устроиться группе на несколько дней и ночей. Таша вывела их на дорогу, и они поспешили за ней, натаскивая сумки на плечи, боясь потерять проводницу из виду. Та же быстро шла впереди налегке и без умолку болтала, пока они не пришли на место. Дорога оказалась не близкой, солнце спускалось все ниже, а студентки все тащились мимо низких деревянных избушек и огородов и слушали долетавшие издали слова Таши.

Весь поселок кормился железной дорогой: здесь в Сонково был узловой перегон. Но с недавнего времени, года два или три, станцию перевели в Рыбинск, так что почти все взрослые мужчины и женщины оказались не у дел и потихоньку уезжали из этого безнадежного места. Закрылась школа, соседняя с той, где работала Таша, кинотеатр, единственный на район, и даже универмаг на поселковой площади стоял заколоченный. Было одно только веселое место в омертвевшем Сонкове: найт-стрип-бар «Какаду», где гуляла оставшаяся молодежь и бандиты с ближайших окрестностей.

Путешественницы, совсем обессилев, внимали познавательным краеведческим повествованиям Таши и даже потеряли надежду сбросить тяжелую ношу, умыться и вытянуть ноги, как вдруг, за поворотом, открылся тупик, и им предстало кирпичное здание в два этажа, окруженное чахлой сиренью и с заброшенным стадионом на заднем дворе. Дойдя до крыльца, девушки в изнеможении бросили сумки на землю и, как воробьи, примостились на узкой доске, бывшей когда-то скамейкой возле входа. К дому сразу набегали местные ребятишки, чумадые и растрепанные, и прикатили на мотоциклах подростки с соседних улиц.

– Тетенька, – дернул за руку девочку, стоящую с края, мальчик в тельняшке, – а вы нам кино привезли?

Катя Грешнева, к которой подошел этот мальчик, вздрогнула от неожиданности и, пока собиралась ему что-нибудь ответить, он уже отбежал инграть с другими детьми.

Старшие вместе с Татьковой, взойдя на крыльцо, помогли Наташе справиться с дверью. Дверь из разошедшихся досок оказалась прочно закрытой и долго не отворялась. Наконец что-то щелкнуло, одна сторона приоткрылась, и на стоявших у входа дохнул ледяной воздух нетопленых помещений.

Внутри оказалось предсказуемо просто: за дверью был вестибюль, покрашенный в желтую краску, направо-налево шли двери в учебные классы; Таша сразу направилась прямо и, поднимаясь по лестнице, говорила Татьковой:

– Вы будете жить на втором этаже, там, где спальни. В классной комнате сделайте кухню. Ключ от двери один, я его вам оставлю. Не потеряйте. Иногда сюда будут приходить дети – внизу у них летний лагерь. Они вам не помешают. – Таша нахмурилась: с улицы в дом заглянуло чье-то лицо – мальчишки забрались наверх по пожарной лестнице и теперь с любопытством наблюдали за приезжими. – Окна на ночь не открывайте и старайтесь не зажигать свет – все будет видно. Воду нужно носить из колонки, я покажу где, это рядом. Здесь, в помещении, ее подают в краны на первый этаж по два часа утром и вечером. Так что советую сразу набрать (она взглянула на ручные часы) – время скоро кончается.

На втором этаже так же, как и на первом, был «холл». Таша прошла по коридору, распахивая двери спален. Комнаты были с дощатым пыльным полом; кроме железных кроватей, были еще покосившиеся тумбочки; стены блестели масляной бежевой краской и из окон по ним, лишенный всяких препятствий, прыгал последний закатный луч солнца.

Эта ночь прошла беспокойно. В темноте бегали крысы. Девочки закричали, потом зажгли свет и до утра не могли успокоиться, перешептываясь от страха.

Утром весело кипел чайник, они вышли во двор, на улице оказалось неожиданно тепло, дул южный ветер, светило солнце, и, свернув налево, они отправились за пределы поселка. Кругом простиралась поля, холмы, обросшие лесом, и вдалеке видны были первые избы, где им предстояла работа. Они дошли до деревни, называвшейся странно – *Большие Горелки*, – и в нерешительности остановились на середине дороги. Деревня тянулась по обеим сторонам длинного косогора; Татькова велела разбиваться на группы и идти по своему краю. Сама она, взяв старших, отправилась в дальний конец села. Остальные девицы, слегка приуныв, стояли у плетня, поправляли ремешки босоножек на стертых в кровь щиколотках и думали, как же им разделить. Трудность состояла в том, что седьмая студентка, Катя Грешнева, была как бы сама по себе: ни с кем никогда не ссорилась, но особенно не дружила. Сейчас она равнодушно слушала разговоры своих одноклассниц, и они подозревали, что Катя шпионит за ними и все, как вернется, доложит Татьковой. На сегодняшний вечер у туристок было в плане веселое мероприятие: из дома они прихватили с десятков различных бутылок настоек и водки и теперь намеревались все распить при свечах, когда остальные заснут.

Наконец, они разошлись по избам. Им раздали с утра опросные листы, и исследовательницы сидели напротив ветхих старушек и спрашивали, как у тех назывался в деревне дух дома, дух леса, воды и полей. Старушки же только крестились, поглядывали испуганно на образа и начинали жаловаться на свою горькую жизнь. С Большими Горелками скоро покончили, материала почти не собрали, Татькова внимательно смотрела по карте новый маршрут; решено было возвратиться к обеду в поселок и после идти по дороге на юг в деревню Белая Церковь мимо Грязей и Малиновок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.